

Общественное здоровье, организация и социология здравоохранения, медико-социальная экспертиза / Public Health, Health Organization, Sociology of Health, Medical and Social Expertise

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/2658-6649-2026-18-2-1440](https://doi.org/10.12731/2658-6649-2026-18-2-1440)

EDN: YSTSTM

УДК 316.444; 316.446

Барьеры индивидуальной мобильности людей с инвалидностью в современном обществе

Г.В. Жигунова, Ю.А. Афонькина, Е.В. Скалабан

ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»,

Мурманск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Социальная мобильность людей с инвалидностью является одним из значимых факторов поддержания социального равновесия в обществе, дающего возможность включаться в жизнь общества маломобильным категориям. Исследование вопросов индивидуальной мобильности обусловлено существующей в российском обществе потребностью в обеспечении условий для субъектной реализации людей с инвалидностью, расширения возможностей их участия в социальных практиках и взаимоотношениях на условиях личной самостоятельности и независимости. Несмотря на принятые в последнее десятилетие в российском обществе законодательные нормы, обеспечивающие реализацию прав людей с инвалидностью, сегодня остается еще множество социальных барьеров индивидуальной мобильности, приводящих к неблагоприятному социальному положению данных лиц, что определило ракурс представленного исследования.

Цель исследования – выявить характеристики и факторы индивидуальной мобильности людей с инвалидностью и провести их оценку в условиях отдельно взятого региона.

Материалы и методы. Исследование проводилось на теоретическом и эмпирическом уровнях на основе институционального и структурно-функционального подходов, с использованием метода полуструктурированного интервью, проведенного в 2025 году среди специалистов Мурманской области, взаимодействующих с людьми, имеющими инвалидность (n=105).

Результаты. Препятствиями индивидуальной мобильности людей с инвалидностью являются несформированность доступной градостроительной среды,

трудности трудоустройства, низкое качество жизни и материального обеспечения, недостаточная активность и адаптированность людей с инвалидностью, а также социально-психологическая неготовность общества к взаимодействию с инвалидами.

Заключение. Полученные данные указывают на внешние и внутренние барьеры индивидуальной мобильности людей с инвалидностью, затрудняющие инклюзивные процессы в России. Результаты имеют прикладное значение для разработки мер по устранению социальных барьеров инвалидности.

Ключевые слова: индивидуальная мобильность; инвалидность; барьеры инвалидности; инклюзивные процессы; доступная среда; социальное положение инвалидов

Для цитирования. Жигунова, Г. В., Афонькина, Ю. А., & Скалабан, Е. В. (2026). Барьеры индивидуальной мобильности людей с инвалидностью в современном обществе. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 18(2), 522–543. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2026-18-2-1440>

Barriers to individual mobility of people with disabilities in modern society

G.V. Zhigunova, Yu.A. Afonkina, E.V. Skalaban

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation

Abstract

Background. Social mobility of people with disabilities is one of the significant factors in maintaining social balance in society, giving the opportunity to people with limited mobility to join the life of society. The study of individual mobility issues is due to the existing need in Russian society to ensure conditions for the subjective realization of people with disabilities, expanding the opportunities for their participation in social practices and relationships on the terms of personal autonomy and independence. Despite the legislative norms adopted in the last decade in Russian society that ensure the implementation of the rights of people with disabilities, today there are still many social barriers to individual mobility, leading to an unfavorable social situation for these individuals. This determined the perspective of the presented study.

Purpose. To identify the characteristics and factors of individual mobility of people with disabilities and to assess them in the conditions of a particular region.

Materials and methods. The study was conducted at the theoretical and empirical levels based on institutional and structural-functional approaches, using the method of semi-structured interviews conducted in 2025 among specialists of the Murmansk region who interact with people with disabilities (n=105).

Results. Obstacles to individual mobility of people with disabilities include the lack of an accessible urban environment, difficulties in finding employment, low quality of life and material security, insufficient activity and adaptation of people with disabilities, as well as the socio-psychological unpreparedness of society to interact with people with disabilities.

Conclusion. The obtained data indicate external and internal barriers to individual mobility of people with disabilities, which hinder inclusive processes in Russia. The results have practical significance for the development of measures to eliminate social barriers to disability.

Keywords: individual mobility; disability; disability barriers; inclusive processes; accessible environment; social status of disabled people

For citation. Zhigunova, G. V., Afonkina, Yu. A., & Skalaban, E. V. (2026). Barriers to individual mobility of people with disabilities in modern society. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 18(2), 522–543. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2026-18-2-1440>

Введение

Прогрессивная идея социальной инклюзии в современное время нередко становится фактором нарушения сложившихся социальных норм, закрепленных в социальной структуре в течение историко-культурного развития общества. С одной стороны, порождаются новые ролевые модели, ценностные ориентации и векторы социальных взаимодействий, воплощающих идею равенства в правах, возможностей их удовлетворения, доступа к благам и услугам, а с другой, элементы социальной системы приходят в дисбаланс с социальными трансформациями, обостряя противоречия между новыми, инклюзивными практиками людей с инвалидностью и эксклюзивными условиями, сложившимися ранее. Как следствие, нарушается бесшовность инклюзивных практик и своего рода равномерность инклюзии в разных социальных средах. В некоторых из таких сред инклюзивные процессы имеют системный характер, в других они проявляются как отдельные прецеденты, а в-третьих, имеет место лишь формальная инклюзия, скрывающая эксклюзивные контексты.

В данном ключе для разрешения сложившихся противоречий и социального управления инклюзивными процессами научный и практический интерес представляет проблема индивидуальной мобильности лиц с инвалидностью как показатель включенности данной категории в социальные связи и отношения.

В результате признания позиции международного сообщества в отношении людей с инвалидностью и ратификации Конвенции о правах ин-

валидов в 2012 году [1], в Российской Федерации взят курс на полное включение лиц с инвалидностью в социум как самостоятельных и независимых субъектов, что неразрывно связано с процессами индивидуальной мобильности в соответствии с принципами доступности и равных возможностей для всех людей.

Однако в современных исследованиях мобильности людей с инвалидностью на сегодняшний день показана недостаточность формирования мобильной (доступной) городской среды [3; 6; 8; 9], ее универсального и инклюзивного дизайна [12; 20], освещаются проблемы личной и профессиональной самореализации, равенства гражданских прав, удовлетворения различных потребностей людей с инвалидностью [4; 10; 19]. Подобные вопросы поднимаются и за рубежом при оценке роли универсального дизайна и эффективных путей включения людей с инвалидностью в местные сообщества в разных странах [22-24]. Среди факторов, ограничивающих мобильность людей с инвалидностью, отмечаются прежде всего инфраструктурные, транспортные, пространственно-логистические, производственные, коммуникативные и межличностные, затрудняющие как пространственные перемещения, так и достижение желаемого статуса в социальной структуре общества.

В условиях современности мобильность выступает важнейшей характеристикой социальной динамики, включающей более или менее интенсивные социальные перемещения индивидов и социальных групп в стратификационной системе общества в процессе реализации их разнообразных потребностей. Все это подчеркивает актуальность рассматриваемого феномена и требует его детальной концептуализации.

Цель исследования направлена на выявление характеристик и факторов индивидуальной мобильности людей с инвалидностью, а также оценку состояния и барьеров индивидуальной мобильности данной категории граждан в условиях отдельно взятого региона.

Материалы и методы

В ходе исследования феномена индивидуальной мобильности людей с инвалидностью использовались общенаучные методы познания на основе принципов объективности, системности, непротиворечивости, причинности; социологические концепты мобильности в ракурсе институционального и структурно-функционального подходов. Институциональный подход позволил рассматривать индивидуальную мобильность в контексте сложившихся норм и правил взаимодействий в рамках социальных

институтов, структурно-функциональный дал возможность анализировать социальное положение индивидуализированных граждан с учетом социальных функций, реализуемых в той или иной сфере общества.

На эмпирическом уровне авторами в 2025 году было проведено социологическое исследование с использованием метода полужформализованного экспертного интервью, направленного на выявление мнений о факторах и барьерах индивидуальной мобильности людей с инвалидностью на территории Мурманской области. Анализ полученных данных проводился в количественной стратегии с помощью методов математического анализа.

Полужформализованное интервью было проведено среди специалистов социальных учреждений и служб Мурманской области, в своей деятельности взаимодействующих с лицами, имеющими инвалидность. Было опрошено 105 человек, из них 12,4% мужского, 87,6% женского пола, что обусловлено спецификой занятости в социальной сфере. Возраст опрошенных составил: до 30 лет – 9,5%, от 31 до 40 лет – 25,7%, от 41 до 50 лет – 33,3%, старше 50 лет – 31,4%. Эксперты имели преимущественно высшее образование (56,2%), занимали должности специалиста 61,0%, служащего – 19,0%, руководителя – 8,6%, другие – 11,4%. По сферам деятельности респонденты относились в большей мере к системе социальной защиты и социального обслуживания населения (71,4%), сферам образования (9,5%), здравоохранения (8,6%), физкультуры и спорта (4,8%) и культуры (2,9%). По месту проживания опрошенные представляли 11 муниципальных образований региона - города Мурманск (22,9%), Мончегорск (21,0%), Оленегорск (14,3%), Апатиты (11,4%), Североморск (9,5%), Заполярный (2,9%), Кировск (2,9%), Кандалакша (1,9%), Кола (1,9%), городские поселения Умба (6,7%) и Ревда (4,8%).

Результаты

Концептуализация феномена индивидуальной мобильности людей с инвалидностью

Рассматривая мобильность людей с инвалидностью, современные ученые выделяют два взаимосвязанных аспекта - социальный и физический, связывая их с созданием доступной среды для включения инвалидизированных граждан в социум [11, с. 579]. В интегрированном виде такая взаимосвязь выражена в проблеме мобильного гражданства инвалидов как реализации права на передвижение в городской среде [13; 21; 25-26].

Учитывая, что в социологии социальная мобильность понимается как перемещение индивидов, социальных групп или ценностей в стратификацион-

ной системе общества, влекущее за собой изменения их пространственного или статусного положения [16, с. 119], физическая мобильность, по нашему мнению, представляет собой составную часть социальной, а индивидуальная – одну из разновидностей мобильности как социального феномена.

В рамках данного подхода к пониманию мобильности особое значение имеют сложившиеся институциональные рамки и каналы перемещения, толщина и проницаемость социальных перегородок, существующие ограничения и лифты для движения индивидов и групп. Как отмечает Рыбьякова А.В., проницаемость страт отличается в пространственно-временном отношении, а собственно мобильность, так или иначе, всегда сопровождается определенными ограничениями [15, с. 64]. Данные перегородки не одинаковы для людей с различным социальным статусом, социально-демографическими или физическими данными [7, с. 35]. Так, люди с инвалидностью, долгое время находясь в социальной изоляции и воспринимаясь как объекты опеки, были лишены возможности участвовать в жизни своих сообществ, делать карьеру, создавать семьи, то есть осуществлять социальную мобильность [6, с. 2]. Здоровье, таким образом, является не только одним из факторов восходящей мобильности, но и важнейшим условием осуществления мобильности как таковой. Не случайно в современной науке понятие мобильности раскрывается в контекстах справедливости и возможностей, предоставляемых человеку в обществе, способствующих или препятствующих движению индивидов в ходе воплощения в жизнь их притязаний [19, с. 13].

В Конвенции о правах инвалидов [1] понятие индивидуальной мобильности отождествляется, прежде всего, с физическими перемещениями лиц с инвалидностью, осуществляемыми любым способом и с максимально возможной самостоятельностью. Обеспечение самой возможности перемещения индивидов в физическом пространстве позволяет им достигать определенных целей и социальных благ, вступать в социальные связи и взаимодействия с другими людьми, реализовывать свой потенциал и выстраивать индивидуальные жизненные траектории по горизонтали и вертикали, что входит в понятие мобильности социальной.

В данном контексте особый интерес представляет подход к пониманию мобильности Дж. Урри, который определяет это понятие как способность индивидов двигаться, перемещаться в пространстве, изменять социальный статус и географическое положение в стремлениях к лучшей жизни. По мнению ученого, ключевым фактором мобильности является непосредственное взаимодействие с другими людьми, а при отсутствии

возможности к движению у индивида развивается чувство социальной депривации [17, с. 30-33], что существенно для маломобильных людей с инвалидностью. Мобильность, таким образом, позволяет лицам с инвалидностью избежать лишений и одиночества, включаться в социальные взаимодействия и контакты, реализовать свой потенциал путем непосредственного участия в различных сферах деятельности.

Механизмом социальной мобильности выступают социальные лифты, обеспечивающие горизонтальные и вертикальные перемещения индивидов в социуме. В результате анализа положений Конвенции о правах инвалидов, в качестве социальных лифтов индивидуальной мобильности людей с инвалидностью можно выделить содействие индивидуальным траекториям и способам достижения мобильности; доступность устройств, технологий и услуг, облегчающих мобильность; обучение навыкам мобильности; иные аспекты мобильности, в которых нуждаются люди с инвалидностью, среди которых отметим доступность объектов инфраструктуры и услуг, равенство в правах на передвижение, участие в жизни сообщества, обучение, трудовую занятость, брак, саморазвитие; реализация человеческого и творческого потенциала; достаточный жизненный уровень и достойные условия жизни; готовность социума и людей с инвалидностью взаимодействовать друг с другом.

Мобильность осуществляется в определенных социальных условиях и имеет индивидуальную обусловленность, что зачастую упускается из виду в современных исследованиях [15, с. 64]. К последним относится готовность самого индивида к мобильности, определенные намерения в установлении и поддержании социальных связей с другими, статусных притязаниях, получении признания и уважения в своих социальных кругах и т.п.

По результатам анализа факторов индивидуальной мобильности, заключим, что она представляет собой социальное движение человека с инвалидностью внутри (по горизонтали) и между социальными стратами (по вертикали) на основе его самостоятельного выбора, позволяющее изменять его статус в социальной иерархии при выполнении широкого ролевого репертуара в разных социальных средах, который формирует его образ жизни и является показателем институциональной функциональности общества. При этом в фокусе внимания должны находиться как сама возможность перемещений любого порядка с точки зрения имеющихся для этого условий в обществе и способности субъекта, так и готовность мобильного субъекта к движениям и построению своей индивидуальной траектории мобильности с его мотивами, целями и способами их достижения.

Экспертная оценка условий и факторов индивидуальной мобильности людей с инвалидностью на территории Мурманской области

Эмпирическое авторское исследование показало, что инвалидность в большей мере понимается как ограничение – так отметило 52,4% большинство опрошенных, что соответствует существующему в настоящее время в Российской Федерации законодательству, определяющему инвалида как лица, имеющего ограничения жизнедеятельности в силу тех или иных заболеваний [2]. Среди опрошенных имеют место взгляды на инвалидность как на болезнь (19,0%) и на неадаптированность человека к социуму (12,4%), свойственные медицинской модели инвалидности, доминирующей в XX веке с ее патерналистской системой социальной защиты, связывающей инклюзию с успешностью лечения индивидов. Такой подход не требует трансформации социальной среды, что недостаточно в деле включения людей с инвалидностью в общество. Инвалидность через социальные барьеры общества понимают лишь 10,5% экспертов. Данное понимание свойственно социальной модели, определяющей современную социальную политику в отношении людей с инвалидностью в русле положений Конвенции о правах инвалидов (рис. 1).

Рис. 1. Представления экспертов об инвалидности, %

Fig. 1. Experts' views on disability, %

Выявлена статистически значимая связь между сферой трудовой деятельности опрошенных и представлениями об инвалидности (коэффициент Крамера $V = 0.275$). Представления об инвалидности как об ограничении имеют 56,4% опрошенных из сферы социальной защиты, еще 21,8% респондентов из данной сферы считают инвалидность болезнью.

Давая оценку степени включения маломобильных категорий людей с инвалидностью, опрошенные в среднем оценили его на 5,71 баллов из 10-ти возможных. При этом эксперты с высшим образованием оценивают включенность ниже общего среднего значения (совокупная средняя оценка – 5,17), а специалисты со средним специальным образованием оценивают включенность выше (средняя оценка – 6,41). Различия по образованию статистически значимы ($p < 0,05$), что может свидетельствовать о более критичном взгляде людей с высшим образованием на существующие барьеры и инклюзивную политику.

Более половины экспертов считают, что инклюзия людей с инвалидностью в общество в большей мере зависит от самих людей с инвалидностью (55,2%), что подчеркивает необходимость самих людей с инвалидностью быть готовыми к инклюзии. Почти столько же опрошенных (54,3%) приоритет в деле инклюзии отдают государству, а значит принятым на законодательном уровне мерам социальной поддержки и предписанным нормам в рамках социальных институтов в отношении инвалидов. Менее половины (42,9%) отметили значимую роль поддержки близких и родных, 39,0% – общественности, около трети (32,4%) – системы социальных служб, около четверти (24,8%) – состояние системы здравоохранения (рис. 2).

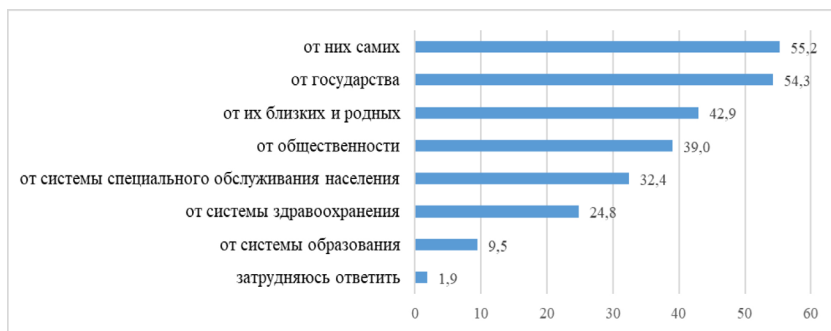

Рис. 2. Представления экспертов о роли социальных институтов, индивидов и групп в деле включения людей с инвалидностью в жизнь общества, %

Fig. 2. Experts' views on the role of social institutions, individuals, and groups in the inclusion of people with disabilities in society, %

При этом, оценивая потенциал окружения для оказания помощи в осуществлении индивидуальной мобильности людям с инвалидностью, большие оценки получили специалисты социальных служб и учреждений (4,22 балла из 5-ти), далее следуют семья (3,92), друзья (3,49), коллеги, одно-

классники, одноклассники (3,21). Меньший потенциал имеют, по мнению опрошенных, соседи (2,94) и незнакомые сограждане (2,91) (рис. 3).

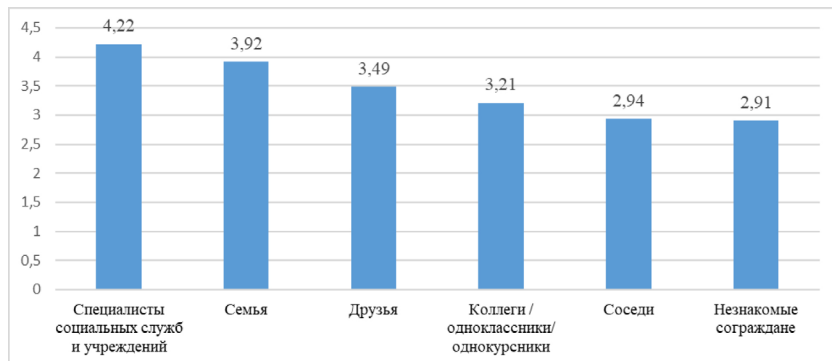

Рис. 3. Оценка экспертами потенциала окружающих людей для оказания помощи в индивидуальной мобильности, средний балл

Fig. 3. Experts' assessment of the potential of people in one's immediate circle to assist with personal mobility, average score

Эксперты отмечают, что основными социальными барьерами, с которыми чаще всего сталкиваются люди с инвалидностью в обществе и конкретно в Мурманской области, выступают трудности перемещения (физическая и пространственная мобильность) (68,6%), материальные трудности, низкое благосостояние (51,4%), трудоустройства и профессиональной самореализации (49,5%). Отмечены также затруднения с получением медицинских услуг (30,5%), построением отношений с окружающими (23,8%) и другие (рис. 4).

Учитывая, что наибольшую сложность для маломобильных граждан в муниципальных образованиях проживания экспертов представляет барьер перемещения, представим также экспертную оценку доступной среды. Средняя оценка доступности инфраструктуры общественных мест Мурманской области составила 3,27 из 5-ти баллов, что немного выше среднего. Среди инфраструктурных барьеров пространственного перемещения маломобильных лиц с инвалидностью на территории проживания экспертов были отмечены в первую очередь сложные маршруты от остановки и дома до объекта (69,5%) и недоступная / неудобная входная группа (48,5%). Часть экспертов отмечала преграды на пути движения внутри объектов (29,5%), отсутствие зрительной информации (21,9%) и тактильных указателей (21,0%) (рис. 5).

Рис. 4. Экспертная оценка социальных барьеров индивидуальной мобильности в Мурманской области, %

Fig. 4. Expert assessment of social barriers to individual mobility in the Murmansk Region, %

Рис. 5. Экспертная оценка инфраструктурных барьеров индивидуальной мобильности лиц с инвалидностью при посещении общественных мест в муниципальных образованиях Мурманской области, %

Fig. 5. Expert assessment of infrastructure barriers to the personal mobility of people with disabilities when visiting public places in municipalities of the Murmansk Region, %

Несмотря на имеющиеся барьеры, экспертами отмечаются динамические изменения в разных социальных средах, произошедшие за последние годы, в результате которых люди с инвалидностью в целом чаще стали встречаться на улицах (61,9%), они имеют сегодня больше возможностей

для коммуникаций и общения с другими людьми (62,0%), получили больше возможностей для получения образования (50,5%), занятий творчеством (50,5%), спортом (37,2%) и активного проведения своего досуга (32,4%). Однако, наряду с положительными тенденциями, примерно треть экспертов отмечает ухудшение в решении сложностей с трудоустройством (35,3%), социальным обеспечением (38,1%), получением медицинских и реабилитационных услуг (32,4%), а также 52,4% считают, что общество тратит недостаточно средств на помощь лицам с инвалидностью, что указывает на необходимость осуществления дальнейшей инклюзивной социальной политики в стране.

Оценивая отношение общества к людям с инвалидностью как важного фактора индивидуальной мобильности, около половины опрошенных (48,5%) считают, что сегодня большинство сограждан относится к людям с инвалидностью как к равным субъектам. Чуть более половины экспертов (51,5%) отмечают, что подавляющая часть населения готова прийти на помощь данным лицам, при этом 62,7% опрошенных отметили значимость помощи и поддержки со стороны окружающих, необходимой для успешной инклюзии лиц с инвалидностью. Наряду с положительными тенденциями, почти третья часть экспертов (32,4%) отметила, что сегодня общество еще не готово к взаимоотношениям с людьми, имеющими инвалидность, а 15,3% указала, что в социуме еще проявляются негативные установки к исследуемой категории.

При выявлении более детальной оценки отношения окружающих к людям с инвалидностью в зависимости от типа нарушения здоровья (по 5-балльной шкале, где 1 – отрицательное, а 5 – положительное), результаты показали менее положительное в отношении к людям с психическими и интеллектуальными нарушениями - средний балл оценок составил 2,76, что ниже средней отметки шкалы. В наиболее благополучной ситуации с точки зрения экспертов находятся люди с нарушениями слуха (3,80 баллов), далее очень близки к ним люди с нарушениями слуха (3,78 баллов) и с опорно-двигательными нарушениями (3,74 балла) (рис. 6).

Средний индекс оценки толерантности населения составил 3,52. Анализ с помощью коэффициента Спирмена показывает умеренную положительную корреляцию между восприятием социальной толерантности и оценкой включенности людей с инвалидностью ($r = 0.35$, $p < 0,001$). Кроме того, выявлена заметно положительная корреляция между восприятием доступности общественных объектов и уровнем социальной толерантности ($r = 0.56$, $p < 0,001$). Полученный результат указывает на взаимосвязь

физической и социальной инклюзии, где создание доступной среды воспринимается как знак уважения и признания, а не только как техническое улучшение. Это говорит о том, что инклюзивная среда формирует инклюзивное общество.

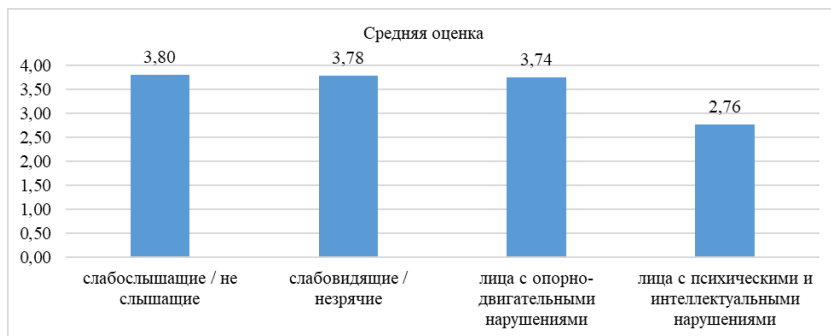

Рис. 6. Экспертная оценка отношения общества к людям с инвалидностью, в зависимости от типов нарушений, средний балл

Fig. 6. Expert assessment of public attitudes toward people with disabilities, by type of disability; average score

Рис. 7. Экспертная оценка способностей и ресурсов, обуславливающих успешную индивидуальную мобильность людей с инвалидностью, %

Fig. 7. Expert assessment of the abilities and resources that contribute to successful individual mobility for people with disabilities, %

В ходе выявления внутренних факторов индивидуальной мобильности была получена экспертная оценка способностей и ресурсов, от которых, по их мнению, зависит успешная жизнь в обществе маломобильных ка-

тегорий с инвалидностью. Большая часть экспертов отдает ведущую роль способности к коммуникациям (61,9%), подготовленности к самостоятельной жизни (59,0%), состоянию здоровья и жизнеспособности (57,1%) и способности к адаптации (53,3%). Несколько меньшее значение получили способности к познанию, образованности (42,9%), способность к профессиональной деятельности (37,1%), творческие способности (30,5%), еще меньшее значение придается работоспособности и способности усваивать людьми с инвалидностью ценности и нормы (рис. 7).

При этом 47,6% экспертов считают, что люди с инвалидностью лишь частично адаптированы в обществе, а 25,8% отмечают, что они, как правило, пассивны при высокой доле высказавшихся об их частичной пассивности (52,4%).

Обсуждение

Результаты проведенного исследования в целом показывают как наличие проблемных зон в деле индивидуальной мобильности людей с инвалидностью, так и улучшение ситуации по ряду показателей.

В первую очередь, проблематично понимание инвалидности в русле прогрессивных идей социальной модели инвалидности, фокусирующей внимание не на ограничениях, как в российском законодательстве [2], а на социальных барьерах как главного фактора эксклюзии лиц с инвалидностью, свойственного международным нормам [1], на что также обращают внимание современные ученые [10, с. 579]. Учитывая, что институциональное взаимодействие с инвалидизированными гражданами осуществляется в рамках действующего законодательства, очевидно, что более прогрессивное понимание инвалидности будет сформировано только после соответствующих законодательных изменений.

Учитывая многогранность понятия социальной мобильности, подчеркнем неразрывность и взаимосвязанность его различных аспектов, значимость как физической способности индивида к движениям и перемещениям в пространстве, так и перемещений между стратами в процессе изменения статусного положения в обществе. Бесспорно, для осуществления данных перемещений необходимы определенные условия в различных социальных средах [9, с. 234], однако учеными повсеместно отмечается недостаточность созданных условий для участия в жизни общества [4-6; 8-11; 13], в результате чего люди с инвалидностью включены в социальные связи лишь частично.

Полученная средняя оценка включения людей с инвалидностью в социальную жизнь общества коррелирует с данными других исследований [6; 8-9; 13]. По данным В.Н. Ярской-Смирновой и Е.Р. Ярской-Смирновой, в

России до сих пор отмечаются препятствия в реализации прав людей с инвалидностью в результате недоступности социальной среды [20, с. 167]; по результатам исследования О.В. Кучмаевой люди с инвалидностью ограничены в мобильности и испытывают потребность в соответствующей поддержке, которую в основном получают от членов своей семьи [10, с. 105].

Следует отметить еще один барьер индивидуальной мобильности – отношенческий. Подчеркнем, что одна лишь физическая мобильность человека с инвалидностью не приведет к его достаточной самореализации. Место инвалидов в социальной стратификации определяется не только пространственной доступностью, но и доступностью социальных институтов, принятием лиц с инвалидностью как равных другим гражданам, возможностью и готовностью активно участвовать в социальных процессах. В тоже время отметим, что, социально-психологический климат в региональных социумах недостаточно благоприятен по отношению к людям с инвалидностью [5; 14]. Такая ситуация затрудняет индивидуальную социальную мобильность и в определенном смысле обесценивает государственные вложения в обеспечение инклюзии людей с инвалидностью в общество.

Российские ученые среди значимых факторов индивидуальной мобильности людей с инвалидностью указывают адаптивные способности индивидов. По мнению О.Е. Фоминой и С. Б. Гуляева, повышению социальной адаптации людей с инвалидностью на индивидуальном уровне способствует поддержка ближайшего окружения, а на институциональном – создание безбарьерной среды и социальные меры поддержки [18, с. 72].

Отметим, что в понятии индивидуальной мобильности следует, прежде всего, выделить возможности для изменения социального статуса человека с инвалидностью на более или менее благоприятный (вертикальная индивидуальная мобильность); доступность каналов и социальных сред для перемещений в пространстве и в разные социальные группы; возможность смены социальных ролей и связанного с ними репертуара социального поведения (горизонтальная индивидуальная мобильность); личные мотивы и цели индивида, что определяет включение в социальные институты и процессы, происходящие в обществе. Однако на практике в настоящее время указанные векторы движений людей с инвалидностью затруднены целым рядом социальных барьеров, которые в совокупности тормозят инклюзивные процессы в обществе.

Заключение

Проведенное исследование в качестве наиболее существенных барьеров индивидуальной мобильности выявило недоступную инфраструктуру, не выстроенные логистические маршруты для передвижения маломо-

бильных инвалидизированных граждан, сложности трудовой занятости, получения медицинских услуг, материального обеспечения, личностной самореализации в профессиональной и иных сферах. Достаточно существенными сегодня остаются и отношенческие барьеры, выраженные в сложностях выстраивания отношений с социумом и негативных взглядах окружающих, в большей мере к людям с ментальными нарушениями.

Эксперты ведущую роль в инклюзии инвалидизированных граждан отводят субъективно-личностному и государственному уровням. В оценках ресурсов социального окружения лиц с инвалидностью занижен потенциал семейных и дружеских связей по сравнению с государственными службами, что указывает, прежде всего, на значительные ожидания экспертов от реабилитационных программ и существующих социальных программ.

Наиболее значимыми личностными факторами индивидуальной мобильности людей с инвалидностью, по мнению экспертов, являются коммуникативные способности, подготовленность к самостоятельной жизни, состояние здоровья и способность к адаптации. Ресурсам, связанным со способностями к профессиональному труду, творчеству, в целом работоспособности и усвоению ценностей и норм, отводится незначительная роль, что свидетельствует о невысоких ожиданиях в данных видах деятельности от людей с инвалидностью. Эксперты отмечают недостаточную адаптированность и активность самих лиц с инвалидностью в обществе, что составляет дополнительные сложности в случае самостоятельного осуществления вертикальных и горизонтальных движений в социуме данной категории.

Выявлена взаимосвязь физической и социальной составляющих инклюзии, при которой очевидно, что доступная среда формирует инклюзивное общество.

Полученные данные показывают исключительную значимость формирования личностных потенциалов и институциональных условий в деле повышения индивидуальной мобильности людей с инвалидностью, регулируемых на государственном уровне, с привлечением ресурсов социальных служб, ближайшего окружения и общественности.

Заключение комитета по этике. Данный вид исследования не требует прохождения экспертизы локальным этическим комитетом.

Информированное согласие. Информированное согласие было получено от всех субъектов, участвовавших в исследовании.

Информация о конфликте интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Министерства образования и науки Мурманской области в рамках проекта № 25-28-20380.

Список литературы

1. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 01.09.2025).
2. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (дата обращения: 01.09.2025).
3. Бессчетнова, О. В., & Матвеев, Д. А. (2023). Общественный транспорт глазами лиц с инвалидностью: агрессивная среда vs инклюзия. *Человек. Общество. Инклюзия*, 1(53), 8–17. EDN: <https://elibrary.ru/FUKDFW>
4. Егоров, Е. В. (2022). Формирование безбарьерной городской среды и проблемы трудовой интеграции инвалидов в России. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(4), 535–544. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.4.9>. EDN: <https://elibrary.ru/LQJYMV>
5. Жигунова, Г. В., & Ткаченко, И. Л. (2019). Отношенческие барьеры инвалидности в социуме. *Вестник университета*, 5, 182–188. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-5-182-188>. EDN: <https://elibrary.ru/NYRTAE>
6. Жигунова, Г. В. (2019). Условия для независимой жизни людей, имеющих инвалидность (по результатам исследования). *Baikal Research Journal*, 10(4), 1–8. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(4\).2](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(4).2). EDN: <https://elibrary.ru/UBMSGC>
7. Каравай, А. В. (2018). Факторы доходной стратификации российского общества: роль структурных барьеров на пути восходящей доходной мобильности. *Социологическая наука и социальная практика*, 2(2), 34–51. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5855>. EDN: <https://elibrary.ru/UTCGCJ>
8. Кудрявцева, С. Н., & Козыренко, И. С. (2021). Безбарьерная среда: мифы и реальность. *Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса*, 1(1), 383–388. EDN: <https://elibrary.ru/LNHZGV>
9. Курганова, К. И. (2023). Проблемы формирования доступной среды для инвалидов и маломобильных групп населения. *Журнал правовых и экономических исследований*, 1, 230–235. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.17.82.032>. EDN: <https://elibrary.ru/CEHXDR>
10. Кучмаева, О. В., Махова, О. А., & Клочкова, Е. Н. (2019). Мобильность инвалидов: статистическая характеристика ситуации. *Государственная служба*, 3(119), 101–106. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-3-101-106>. EDN: <https://elibrary.ru/PVWTSQ>

11. Кучмаева, О. В. (2018). Мобильность инвалидов: проблемы и пути решения (по результатам выборочного обследования). В *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума* (Том 1, с. 578–592). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. EDN: <https://elibrary.ru/BMOCYS>
12. Мухаметзянова, А. Р. (2025). Универсальный дизайн в системе независимой оценки доступности услуг для людей с инвалидностью. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*, 1(64), 87–92. <https://doi.org/10.25628/UNIP.2025.64.1.031>. EDN: <https://elibrary.ru/LHBYXJ>
13. Наберушкина, Э. К. (2013). *Мобильное гражданство инвалидов в социальном пространстве города*. Саратов. 605 с.
14. Перепада, С. М., Перепада, О. А., & Минина, А. А. (2021). Средовые и отношенческие барьеры в свете государственной программы «Доступная среда», а также о дискриминации по признаку инвалидности. *Право и государство: теория и практика*, 4(196), 108–110. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_4_108. EDN: <https://elibrary.ru/SSJFUV>
15. Рыбьякова, А. В. (2020). Социологическая трактовка идеи социальной мобильности. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*, 2, 59–70. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.2.5>. EDN: <https://elibrary.ru/GRFAHD>
16. Сорокин, П. А. (2005). *Социальная мобильность*. Москва: Academia. ISBN: 5-87444-221-9. EDN: <https://elibrary.ru/QOEGUT>
17. Урри, Дж. (2012). *Мобильности* / пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва: Практис. 576 с. EDN: <https://elibrary.ru/PGJYNR>
18. Фомина, О. Е., & Гуляев, С. Б. (2024). Проблемы и перспективы социальной адаптации инвалидов в малых городах России: по результатам авторского исследования. *Logos et Praxis*, 23(1), 62–74. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.7>. EDN: <https://elibrary.ru/RNAPDU>
19. Черныш, М. Ф. (2018). Концепт социальной мобильности в меняющихся обществах. *Социологические исследования*, 7, 13–23. <https://doi.org/10.31857/S013216250000194-6>. EDN: <https://elibrary.ru/VJUZEА>
20. Чистый, С. В. (2021). Вопросы проектирования безбарьерных городов. Роль архитектурного образования и конкурсного проектирования в области универсального дизайна. *Доступная среда*, 2, 60–70. EDN: <https://elibrary.ru/NFDIZM>
21. Ярская-Смирнова, В. Н., & Ярская-Смирнова, Е. Р. (2018). Право на город в парадигме мобильности. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 45, 165–173. <https://doi.org/10.17223/1998863>. EDN: <https://elibrary.ru/YRWWMР>

22. Boland, G., Paor, E., & Guerin, S. (2023). Living in localities: The factors that influence the social inclusion in neighborhoods of adults with intellectual disability: A systematic scoping review. *Inclusion*, 11(1), 55–77. <https://doi.org/10.1352/2326-6988-11.1.55>. EDN: <https://elibrary.ru/FACRRE>
23. Jones, P. (2014). Situating universal design architecture: Designing with whom? *Disability Rehabilitation*, 36(16), 1369–1374. <https://doi.org/10.3109/09638288.2014.944274>
24. Kaley, A., Donnelly, J. P., Donnelly, L., Humphrey, S., Reilly, S., Macpherson, H., Hall, E., & Power, A. (2021). Researching belonging with people with learning disabilities: Self-building active community lives in the context of personalisation. *British Journal of Learning Disabilities*, 50(3), 307–320. <https://doi.org/10.1111/bld.12394>. EDN: <https://elibrary.ru/BKDSVN>
25. Sépulchre, M. (2020). Ensuring equal citizenship for disabled people: A matter of rights or a matter of costs? *ALTER, European Journal of Disability Research*, 14(2), 114–127. <https://doi.org/10.1016/j.alter.2020.03.001>. EDN: <https://elibrary.ru/MXWPWY>
26. Darcy, S., Maxwell, H., & Green, J. (2016). Disability citizenship and independence through mobile technology? A study exploring adoption and use of a mobile technology platform. *Disability & Society*, 31(4), 497–519. <https://doi.org/10.1080/09687599.2016.1179172>

References

1. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by UN General Assembly resolution 61/106 of December 13, 2006. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (accessed: 01.09.2025).
2. Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995 (as amended on October 29, 2024) “On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation” (accessed: 01.09.2025).
3. Besschetnova, O. V., & Matveev, D. A. (2023). Public transport through the eyes of persons with disabilities: Aggressive environment vs. inclusion. *Human. Society. Inclusion*, 1(53), 8–17. EDN: <https://elibrary.ru/FUKDFW>
4. Egorov, E. V. (2022). Formation of a barrier-free urban environment and problems of labor integration of persons with disabilities in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18(4), 535–544. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.9>. EDN: <https://elibrary.ru/LQJYMV>
5. Zhigunova, G. V., & Tkachenko, I. L. (2019). Relational barriers of disability in society. *University Herald*, 5, 182–188. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-5-182-188>. EDN: <https://elibrary.ru/NYRTAE>
6. Zhigunova, G. V. (2019). Conditions for independent living of persons with disabilities (based on research results). *Baikal Research Journal*, 10(4), 1–8. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(4\).2](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(4).2). EDN: <https://elibrary.ru/UBMSGC>

7. Karavay, A. V. (2018). Factors of income stratification of Russian society: The role of structural barriers on the path of upward income mobility. *Sociological Science and Social Practice*, 2(2), 34–51. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5855>. EDN: <https://elibrary.ru/UTCGCJ>
8. Kudryavtseva, S. N., & Kozyrenko, I. S. (2021). Barrier-free environment: Myths and reality. *Far East: Problems of Development of the Architectural and Construction Complex*, 1(1), 383–388. EDN: <https://elibrary.ru/LNHZGV>
9. Kurganova, K. I. (2023). Problems of forming an accessible environment for persons with disabilities and low-mobility population groups. *Journal of Legal and Economic Studies*, 1, 230–235. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.17.82.032>. EDN: <https://elibrary.ru/CEHXDR>
10. Kuchmaeva, O. V., Makhova, O. A., & Klochkova, E. N. (2019). Mobility of persons with disabilities: A statistical characterization of the situation. *Civil Service*, 3(119), 101–106. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-3-101-106>. EDN: <https://elibrary.ru/PVWTSQ>
11. Kuchmaeva, O. V. (2018). Mobility of persons with disabilities: Problems and solutions (based on sample survey results). In *Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: Collection of articles of the 9th Ural Demographic Forum* (Vol. 1, pp. 578–592). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. EDN: <https://elibrary.ru/BMOCYS>
12. Mukhametzyanova, A. R. (2025). Universal design in the system of independent assessment of service accessibility for persons with disabilities. *Academic Bulletin of UralNIIPROJECT RAASN*, 1(64), 87–92. <https://doi.org/10.25628/UNIIP.2025.64.1.031>. EDN: <https://elibrary.ru/LHBYXJ>
13. Naberushkina, E. K. (2013). *Mobile citizenship of persons with disabilities in the social space of the city*. Saratov. 605 p.
14. Perepadya, S. M., Perepadya, O. A., & Minina, A. A. (2021). Environmental and relational barriers in light of the state program “Accessible Environment,” as well as on discrimination based on disability. *Law and State: Theory and Practice*, 4(196), 108–110. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_4_108. EDN: <https://elibrary.ru/SSJFUV>
15. Rybakova, A. V. (2020). Sociological interpretation of the idea of social mobility. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences*, 2, 59–70. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.2.5>. EDN: <https://elibrary.ru/GRFAHD>
16. Sorokin, P. A. (2005). *Social mobility*. Moscow: Academia. ISBN: 5-87444-221-9. EDN: <https://elibrary.ru/QOEGUT>
17. Urry, J. (2012). *Mobilities* (A. V. Lazarev, Trans.). Moscow: Praksis. 576 p. EDN: <https://elibrary.ru/PGJYNR>
18. Fomina, O. E., & Gulyaev, S. B. (2024). Problems and prospects of social adaptation of persons with disabilities in small cities of Russia: Based on the author’s research.

- Logos et Praxis*, 23(1), 62–74. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.1.7>. EDN: <https://elibrary.ru/RNAPDU>
19. Chernysh, M. F. (2018). The concept of social mobility in changing societies. *Sociological Studies*, 7, 13–23. <https://doi.org/10.31857/S013216250000194-6>. EDN: <https://elibrary.ru/VJUZEА>
20. Chisty, S. V. (2021). Issues of designing barrier-free cities. The role of architectural education and competitive design in the field of universal design. *Accessible Environment*, 2, 60–70. EDN: <https://elibrary.ru/NFDIZM>
21. Yarskaya-Smirnova, V. N., & Yarskaya-Smirnova, E. R. (2018). The right to the city in the paradigm of mobility. *Bulletin of Tomsk State University: Philosophy. Sociology. Political Science*, 45, 165–173. <https://doi.org/10.17223/1998863>. EDN: <https://elibrary.ru/YRWWMР>
22. Boland, G., Paor, E., & Guerin, S. (2023). Living in localities: The factors that influence the social inclusion in neighborhoods of adults with intellectual disability: A systematic scoping review. *Inclusion*, 11(1), 55–77. <https://doi.org/10.1352/2326-6988-11.1.55>. EDN: <https://elibrary.ru/FACRRE>
23. Jones, P. (2014). Situating universal design architecture: Designing with whom? *Disability Rehabilitation*, 36(16), 1369–1374. <https://doi.org/10.3109/09638288.2014.944274>
24. Kaley, A., Donnelly, J. P., Donnelly, L., Humphrey, S., Reilly, S., Macpherson, H., Hall, E., & Power, A. (2021). Researching belonging with people with learning disabilities: Self-building active community lives in the context of personalisation. *British Journal of Learning Disabilities*, 50(3), 307–320. <https://doi.org/10.1111/bld.12394>. EDN: <https://elibrary.ru/BKDSVN>
25. Sépulchre, M. (2020). Ensuring equal citizenship for disabled people: A matter of rights or a matter of costs? *ALTER, European Journal of Disability Research*, 14(2), 114–127. <https://doi.org/10.1016/j.alter.2020.03.001>. EDN: <https://elibrary.ru/MXWPWY>
26. Darcy, S., Maxwell, H., & Green, J. (2016). Disability citizenship and independence through mobile technology? A study exploring adoption and use of a mobile technology platform. *Disability & Society*, 31(4), 497–519. <https://doi.org/10.1080/09687599.2016.1179172>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Жигунова Галина Владимировна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных наук
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
ул. Спортивная, 13, г. Мурманск, 183010, Российская Федерация
galina-zhigunova@yandex.ru

Афонькина Юлия Александровна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и коррекционной педагогики

*ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
ул. Спортивная, 13, г. Мурманск, 183010, Российская Федерация
julia3141@rambler.ru*

Скалабан Екатерина Владимировна, стажер-исследователь научно-исследовательской лаборатории «Анализ данных и искусственный интеллект в арктических исследованиях»

*ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
ул. Спортивная, 13, г. Мурманск, 183010, Российская Федерация
e.v.skalaban@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Zhigunova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Science

*Murmansk Arctic University
13, Sportivnaya Str., Murmansk, 183010, Russian Federation
galina-zhigunova@yandex.ru
SPIN-code: 4554-0448
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>
ResearcherID: D-6997-2014
Scopus Author ID: 57217131539*

Yulia A. Afonykina, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Correctional Pedagogics

*Murmansk Arctic University
13, Sportivnaya Str., Murmansk, 183010, Russian Federation
julia3141@rambler.ru
SPIN-code: 3952-2694
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4147-0634>
ResearcherID: G-8843-2015
Scopus Author ID: 57190568228*

Ekaterina V. Skalaban, Research Intern at the Research Laboratory “Data Analysis and Artificial Intelligence in Arctic Research”

*Murmansk Arctic University
13, Sportivnaya Str., Murmansk, 183010, Russian Federation
e.v.skalaban@gmail.com
SPIN-code: 5479-0666*

Поступила 08.09.2025

После рецензирования 15.11.2025

Принята 18.11.2025

Received 08.09.2025

Revised 15.11.2025

Accepted 18.11.2025